



*В моей руке зажат щеглёнок,  
Я изо всех своих силёнок  
Сжимаю этого щегла.  
Я помню этого щегла!  
В окошке голубело что-то.  
Ах, да! В промоине окна  
Я помню след от самолёта...*

— Я же точно знаю, Зоя Серафимовна, что у вас должен быть энзе. Нука, смотрите в глаза. В глаза, в глаза! По глазам вижу, что должен быть. Так сколько у вас энзе?

— С килограмм будет.

— Давайте отдадим Конкордии Ивановне половину, — сказал Пашков. — А этот лазуритовый штупф передайте ей от меня.

И вот я иду по длинному коридору и несу полиэтиленовый пакетик с синим порошком, как будто синюю птицу сжимаю в руке. Длинный загибающийся вдалеке коридор, как в фильме «Со-

лярис». По стенам гудят вытяжные шкафы. Мне захотелось обернуться.

На двери, которую закрыла за мной Зоя Серафимовна, табличка: «Лаборатория подсинивающих средств».

\*\*\*

— Внушает, — сказал Витя. — А я особо люблю внешне невзрачные силикаты — кварц скрытокристаллический, аморфный.

— Осип Манделъштам: «Но мне милей простой солдат морской пучины — серый, дикий, которому никто не рад».

— Я булыжнику рад. Бывает, разрежешь алмазной пилой, и такое увидишь.

Переливы серенького пермского неба — агат, опал, халцедон! Рахманинов!

*Сквозь серое чуть брезжит синева.  
Весенний день. Опаловое небо.  
Казалось бы, красивые слова.*

БЫВАЕТ, РАЗРЕЖЕШЬ АЛМАЗНОЙ ПИЛОЙ, И ТАКОЕ УВИДИШЬ. ПЕРЕЛИВЫ СЕРЕНЬКОГО ПЕРМСКОГО НЕБА — АГАТ, ОПАЛ, ХАЛЦЕДОН! РАХМАНИНОВ!

*Красивое сравнение нелепо.  
Не то, чтоб вовсе не было других,  
Но, понимаешь, мне необходимо  
Сквозь облако опалового дыма  
Увидеть всех товарищей моих.  
Их разметало время по Руси,  
Когда-нибудь мы все в Россию канем.  
Дай Бог вам видеть  
в придорожном камне  
Осколок неба средней полосы. ❏*